

Маленький Линь Ханьчжи посмотрел на Юэ Юаня. Оцепенение в его глазах медленно отступило, и там мелькнул слабый огонёк. На шее ребёнка всё ещё висел блестящий золотой замочек долголетия с выгравированными словами «мира и радости». Это было самое искреннее пожелание старших рода, которому в итоге так и не суждено было сбыться.

— Дядя Юэ... — одними губами произнёс он, почти не издав звука.

Но Юэ Юань увидел и услышал. Он глубоко вдохнул, не осмеливаясь даже заплакать, осторожно поднял Линь Ханьчжи с груди Линь Яня и Нин Сяо и сказал:

— Я здесь. Я здесь.

Сдерживая силу своих широких рук, он обнял дрожащего ребёнка, мягко погладил напряжённую спину и тихо повторил:

— Сяочжи, дядя Юэ здесь. Теперь ты в безопасности. Поверь дяде.

Наконец получив ответ, мальчик немного расслабился. Напряжённая спина словно стала резинкой, из которой разом выпустили всю силу. Тонкие веки медленно закрылись — в ту же секунду, когда он позволил себе расслабиться, ребёнок провалился в сон, впервые за этот день, казавшийся длиной с целую жизнь, почувствовав себя в безопасности.

Отвезя Линь Ханьчжи в больницу, Юэ Юань вернулся в особняк и только там позволил себе показать горе. Уголки глаз и губ Линь Яня и Нин Сяо, всегда приподнятые в улыбке, теперь были неестественно прямыми. Потускневшие глаза оставались широко раскрытыми, будто умершие не желали смириться со смертью.

Их руки были так крепко сцеплены, что судебный медик не сразу смог их разъединить.

Юэ Юань не помнил, как заставил себя разжать их пальцы, и не помнил выражения собственного лица, когда обнаружил между ладонями записку Линь Яня. Торопливые буквы были выведены кровью — всего два слова: «Не расследуй».

Юэ Юань смял записку в кулаке. Не расследовать? Как он мог не расследовать? Вся семья его самых близких друзей погибла одновременно, оставив одного ребёнка, а друг ещё и требовал, чтобы он не искал причину их смерти?

Это было слишком жестоко.

Юэ Юань подумал: возможно, за всем стоит какая-то колоссальная сила. Тогда... сначала он сам станет такой силой, а уже потом начнёт расследование.

Он нашёл в Управлении потомка шаманки, лучше всех владевшего искусством призыва душ, и попросил вызвать членов семьи Линь.

Но тот целый день читал формулы до сухости во рту и так и не смог призвать ни единой души семьи Линь. Облизнув потрескавшиеся губы, медиум осторожно сказал Юэ Юаню:

— Они... похоже, их души полностью рассеялись.

Если души не были уничтожены без остатка, другого объяснения он не находил.

Юэ Юань уже словно онемел внутри. Услышав это, он лишь встал, кивнул, под тревожным взглядом медиума схватил куртку со спинки стула и пошёл к выходу из комплекса.

Позвонил сотрудник Управления, оставшийся в больнице. Линь Ханьчжи проснулся, но после потрясения ведёт себя очень странно, ни на какие вопросы не отвечает, и Юэ Юаню нужно приехать.

Юэ Юань весь день метался туда-сюда без передышки и не выпил даже воды, но не чувствовал физической усталости — внутри всё онемело и болело. Он сразу ответил, что едет.

Линь Янь и Нин Сяо ушли, но Линь Ханьчжи остался. Это был их ребёнок. Он обязан, обязан был позаботиться о нём.

Когда Юэ Юань вошёл в больничную палату, маленький Линь Ханьчжи сжался на белоснежной кровати. Сотрудники Управления беспомощно стояли у двери, а по полу были разбросаны разные вещи — похоже, мальчик бросал их, прогоняя людей.

Под испуганным, дрожащим взглядом Линь Ханьчжи Юэ Юань шагнул вперёд. Высокая фигура в солнечном свете удивительно напоминала тех героев, которых рисуют в аниме.

— Сяочжи, не бойся. Это я, дядя Юэ. Ты меня узнаёшь, правда?

Он попытался приблизиться к ребёнку, но реакция Линь Ханьчжи стала ещё резче. Мальчик соскочил с кровати, босиком подбежал к окну, резко распахнул створку и, словно совершенно не дорожа жизнью, пригрозил дрожащим слабым голосом:

— Выйдите. Все выйдите!

Больше половины его тела уже оказалось за окном. Казалось, стоит ему чуть приподняться на носках — и он окончательно потеряет равновесие и сорвётся вниз. Юэ Юань не смел рисковать даже ничтожной вероятностью, поэтому поспешно отступил к двери, приговаривая:

— Сяочжи, не делай глупостей. Я знаю, тебе страшно. Я не стану заставлять тебя рассказывать о том, что произошло прошлой ночью. Сначала слезь оттуда, хорошо?

— Твои папа и мама... они бы не хотели видеть тебя таким, — сказал Юэ Юань.

— Они не увидят. Их души рассеялись... они больше никогда ничего не увидят, — скорбно ответил Линь Ханьчжи, словно маленькая птица, загнанная в безнадежный угол и способная лишь жалобно кричать.

Сердце Юэ Юаня дрогнуло. Он почти спросил, что ещё знает Линь Ханьчжи, но понимал: ребёнок собственными глазами видел смерть всей семьи и провёл целую ночь среди трупов. Потрясение и без того было огромным. Расспрашивать сейчас означало только сделать хуже.

Юэ Юань отступал, однако Линь Ханьчжи закинул на подоконник и вторую ногу. Он так и сидел на распахнутом окне, будто даже сильный порыв ветра мог сбросить его вниз.

Он глубоко спрятал голову между согнутыми коленями и дрожал, оставаясь в этой позе очень, очень долго. Лишь когда ночной ветер успел выстудить его кровь, мальчик спустился с подоконника в серебристом холодном лунном свете.

И тогда заметил, что у двери палаты всё ещё стоит молчаливая, похожая на гору фигура.

Юэ Юань никуда не ушёл.

После этого Юэ Юань пригласил специалистов по лечению ПТСР, но ни один психолог не смог заставить Линь Ханьчжи заговорить о том, что именно произошло той ночью. Даже то, что он перешёл от ненависти к приближению любого живого существа к способности спокойно есть рядом с Юэ Юанем, было не результатом психотерапии.

Просто у него появился вопрос.

В тот день мальчик в сине-белой полосатой больничной пижаме сидел у кровати и молча доел еду, а затем неожиданно спросил Юэ Юаня:

— Где они сейчас?

— В морге Управления. Ты... хочешь их увидеть? — спросил Юэ Юань.

Он думал, Линь Ханьчжи откажется. Раньше Юэ Юань уже задавал этот вопрос, но каждый раз ребёнок уклонялся от ответа.

— Хочу.

Прежде жизнерадостный мальчик вдруг стал ценить каждое слово, словно запер сердце и настоящие мысли в ледяном погребе.

Юэ Юань тут же, несмотря на тёмные круги под глазами от чрезмерной усталости, сел за руль и отвёз Линь Ханьчжи к моргу Управления.

Дверь морга была герметичной. Они по правилам надели защитную одежду и только после этого вошли. Внутри стоял лютый холод; это помещение скорее напоминало холодильную камеру, чем морг.

Тела семьи Линь были аккуратно уложены рядами. Судебные медики вскрыли и затем зашили каждое из них. Хотя разрезы старались делать в незаметных местах, следы вскрытия черепа и брюшной полости всё равно были видны.

Лица большинства тел стали серовато-белыми. Даже всегда красивые и заботившиеся о внешности Линь Янь и Нин Сяо не избежали этого. Из-за вскрытия черепа обоим полностью сбрили волосы, и теперь они лежали лысыми.

Глядя на них, Юэ Юань подумал: если бы эти двое могли ожить, сейчас наверняка носились бы по всему моргу, закрывая головы руками и разыскивая хоть какую-нибудь шапку.

— Есть нож? — спросил Линь Ханьчжи у стоявшего позади Юэ Юаня. В его глазах была решимость, какой Юэ Юань никогда не видел у ребёнка такого возраста.

Юэ Юань протянул ему короткий нож, который носил для ближнего боя.

— Нужен большой.

Юэ Юань как раз размышлял, где раздобыть большой нож, когда из-за двери вошёл будущий отец Мяо Юэ — Мяо Цзянье, пока ещё одинокий и до нелепости прямолинейный мужик. За спиной у него висел длинный узкий меч мяо.

Мяо Цзянье когда-то был принят в Управление Линь Янем. Когда он работал в центральном аппарате, из-за чрезмерной честности коллеги подставляли его, а сам он даже не понимал этого. Линь Янь, случайно увидев происходящее, не выдержал и перетащил его в своё отделение.

Узнав о трагедии семьи Линь, Мяо Цзянье сразу нашёл Юэ Юаня и попросил разрешения увидеть Линь Ханьчжи. Но тогда ребёнок, пока не спал, отвергал приближение вообще любых живых существ — даже домашних животных.

Поэтому Юэ Юань безоговорочно отказал. Он не ожидал, что Мяо Цзянье каким-то образом разузнает, что сегодня Линь Ханьчжи привезли сюда, и поспешит следом.

— Такой подойдёт? — спросил Мяо Цзянье, вынимая меч мяо из-за спины и протягивая его ребёнку.

Для маленького Линь Ханьчжи клинок был слишком тяжёлым. Ему пришлось напрячь всё тело даже просто чтобы удержать его, а поднять над собой он тем более не мог.

Раньше Линь Ханьчжи был окружён любовью и избалован; телесные и мистические техники изучал как придётся, без особого усердия, а из семейных книг предпочитал лишь необычные и запретные. В результате теперь он не мог вспомнить даже, как начертить простейший талисман заимствования силы.

Юэ Юань сказал:

— Я помогу. Что ты хочешь сделать?

Линь Ханьчжи упрямо покачал головой:

— Я хочу сам.

Юэ Юань больше не стал отговаривать и лишь начертил у него на запястье талисман, заимствующий силу у божества силы.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/19046/1949115>